

Акад. А. И. Тюменев

О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ЛЮДЕЙ ПО МИФАМ ДРЕВНЕГО ДВУРЕЧЬЯ

Мифы древней Вавилонии о возникновении мира и, в частности, о сотворении человека привлекали внимание исследователей прежде всего с точки зрения проведения параллелей с библейскими сказаниями о сотворении мира. В поисках параллелизма с книгой Бытия искали точек соприкосновения и в тех случаях, где данных для этого в действительности не имелось¹. Напротив, сами по себе мифы древних шумеров и вавилонян с их специфическими особенностями и отличиями очень мало интересовали исследователей; еще менее внимания со стороны буржуазных исследователей привлекало выяснение общественных корней, из которых выросли представления, лежавшие в основе этих мифов. А между тем мифы Двуречья имели точно так же свою специфику, как и общественный строй этой области. Выявление этой специфики может пролить дополнительный свет на характер общественного строя области древнего Двуречья. Вот почему эта сторона древнешумерских и вавилонских представлений о сотворении человека заслуживает прежде всего специального внимания.

Специфика шумерских и вавилонских мифов о сотворении людей заключается не столько в описании самого акта творения, сколько в обстоятельствах, обусловивших этот акт, и в указании на цель создания людей и на их назначение. Представления эти в основном возникли и сложились еще в шумерскую эпоху, и именно в древнешумерской традиции они выступают в наиболее непосредственном и развитом виде, и хотя эти представления сохраняются и в позднейшей вавилонской версии, однако они совершенно теряются при этом в ряде последующих дополнений и наслоений.

Мифы о сотворении мира, в том числе и шумерские, известны нам в большинстве по спискам не ранее I тысячелетия (IX и позднейших столетий), при этом древнешумерские традиции передавались в большинстве случаев в своем оригинальном виде (на шумерском языке) или же в билингвах с аккадским (семитическим) переводом. По счастливой случайности не-

¹ Примером может служить издание Лангдоном шумерского мифа о Дильмуне (St. Langdon, *Sumerian epic of paradise, the flood and the fall of man* (University of Pennsylvania. Publications of Babylonian section, X, № 1). Philadelphia, 1915, ср. его же, *Le poème sumérien du paradis, du déluge et de la chute de l'homme*, Paris—London—New York, 1919), вызвавшее резкую отповедь даже со стороны ряда буржуазных исследователей, см. Jastrow в JAOS, XXXVI, стр. 91 сл.; A. Ungnad в ZDMG, 1 (1918), стр. 252—256; P. M. Witzel, *Kleinasiatische Studien*, I, Leipzig, 1918, стр. 51—95.

сколько параллельных текстов мифов о сотворении человека сохранились в записях, восходящих, повидимому, непосредственно к III тысячелетию (два из них, лучшей сохранности, принадлежат пенсильванскому университету в Филадельфии, один, неизвестного происхождения, находится в Луврском музее в Париже).

Эта древнейшая запись начинается с изображения затруднительного положения богов, для которых некому производить хлеб и другую пищу. Они обращаются с жалобами на эти затруднения к богу морских вод премудрому Энки (Эа). Но он погружен в глубокий сон и потому не слышит их жалоб. Тогда мать богов (в том числе и самого Эа) Намму, олицетворяющая извечный океан, из которого возникли как боги, так и остальные творения, будит его и сообщает ему горе богов. «О мой сын,—обращается она к нему,—сотвори работников для богов, которые производили бы для них...» Энки (Эа) дает указание, как сотворить людей из глины, взятой на краю бездны. Следует описание праздника богов по случаю предстоящего акта творения людей. Мать богов Намму с помощью богини земли Нинмах приступает к созданию людей, в чем в дальнейшем принимает участие и сам бог Энки. Первые опыты их, однако, не увенчиваются полным успехом: люди первоначально получаются слабыми, не способными держаться на ногах. Обстоятельное описание акта сотворения людей, содержащее много лакун и не во всех деталях ясное, само по себе для нашей цели не представляет интереса. Для нас существенно отметить, что акт сотворения людей уже в этом древнейшем известном нам тексте преследует определенную цель: люди созданы прежде всего в качестве работников для обеспечения беззаботного существования богов.

Дополнением к шумерскому мифу о сотворении людей может служить другая современная поэма о происхождении зерновых растений и скота. Сначала не было ни зерновых растений, ни скота—ни овец, ни коз, и боги не знали употребления ни хлеба, ни одежды, но и с появлением зерновых растений и скота для того, чтобы боги могли воспользоваться ими, необходим был труд человека.

Та же мысль повторяется и развивается и во всех остальных известных нам позднейших записях шумерских текстов, где только идет речь о сотворении человека.

В фрагменте шумерского текста из Ниппура¹ от имени богини Нинту (Нинхурсаг) говорится, что людям предоставляется обитать в их городах и жилищах при условии, однако, что они обязаны складывать кирпичи «для наших жилищ (храмов) в чистом месте, обязаны приготавливать для нас (богов) в чистом месте...». Только после появления людей, обязанных таким образом работать на богов, как и в предшествовавшем тексте, идет речь о создании четвероногих. Обратная сторона таблички сильно испорчена, но из сохранившихся фрагментов текста видно, что речь шла об основании пяти городов, распределенных между пятью главными божествами.

Наиболее полное перечисление обязанностей, возложенных на людей в отношении богов, содержит шумерско-аккадский текст, найденный в Ашшуре во время раскопок, производившихся там Германским восточным обществом незадолго до начала первой мировой войны. Хотя сохранившаяся запись и найдена в Ашшуре и принадлежит сравнительно позднему времени, однако в своей основе текст этот, несомненно, восходит к древнешумерской эпохе и сложился, повидимому, еще в III тысячелетии. В качестве творцов здесь действуют исключительно древнешумерские боги Ану, Энлиль, Уту, Эа. Текст состоит из трех колонн:—первая колонна составлена какой-то тайнописью, вторая содержит шумерскую, третья—

¹ Лицевая сторона, строки 19—21.

аккадско-семитическую версию. Ввиду обстоятельности, с какою этот текст излагает обязанности людей в отношении богов, он представляет особый интерес. В то время, когда небо и земля выделились из бездны, когда появилась мать богов Нинни, когда земля была утверждена, когда судьбы неба и земли были определены, когда намечено было направление каналов и берега Тигра и Евфрата обозначены, — тогда Ану Энлиль, Уту (Шамаш), Эа держали совет с великими богами-ануннаками в высоком месте и говорили между собою: теперь, после того как судьбы неба и земли определены, намечено направление каналов и обозначены берега Тигра и Евфрата, что мы должны еще сделать, что должны еще сотворить? Бывшие там великие боги-ануннаки, обращаясь к Энлилю, сказали: в Узуми, срединном месте между небом и землею, следует убить обоих Ламга (?) и из крови их создать людей: бремя работы на богов должны они нести¹, на вечные времена установлены границы: строительную корзину и строительную доску должно дать им в руки², чтобы строили они величественное здание (храм) для богов; разграничить поля должны они и на вечные времена установить границы, дать каналам их направление, поставить пограничные камни, орошать землю, выращивать растения, собирать горы зерна, поля ануннаков привести в цветущее состояние, увеличивать богатство и справлять празднества в честь богов, совершать возлияния в жилище богов. Улигарра и Зальгарра (производители великоления и богатства) — да будут их имена: количество рогатого скота, овец, коз, ослов, рыб, птиц — богатства страны должны они увеличивать.

Из этого текста с очевидностью вытекает, что люди созданы и существуют исключительно для обслуживания богов и что вся их деятельность представляет не что иное, как на вечные времена возложенное на них бремя труда на богов. Характерно, что и самая эта выполняемая людьми на богов работа связывается с теми же терминами (*allu ù tupšikku*), как и трудовая повинность, какую несло население Двуречья в царском хозяйстве.

В отличие от других сохранившихся в шумерской записи текстов, согласно которым люди создаются из глины, в данном случае они создаются из глины, смешанной с кровью специально для этого убиваемых богов, — черта, отличающая позднейшие вавилонские мифы о сотворении людей. Повидимому, и в этом случае мотив кровавого жертвоприношения внесен в древнешумерский текст в результате его переработки, возможно, еще в ту эпоху, когда шумерский язык не вышел окончательно из употребления и не превратился в мертвый язык священных текстов.

Более сомнительно время возникновения происходящей из Эриду шумерско-аккадской билингвы, представляющей либо запись древнешумерской версии, подвергшейся обработке в Вавилоне, либо, что вероятнее, вообще относящейся к более позднему времени. После вступления, в котором описывается время, когда не было ни городов, ни храмов и все покрывало море, сообщается о возникновении Эриду с жилищем богов Эсагила и Вавилона с местным Эсагила; появились боги игиги и ануннаки. Священный город, жилище, радующее их сердце, называли они высоким именем (речь, очевидно, идет об Эриду). Затем Мардук приступает к акту творения: он покрывает поверхность моря тростником и образует землю; непосредственно после этого, для того чтобы боги могли спокойно обитать в своем жилище, радующем сердце (Эриду), он создает людей; Аруру

¹ Строка 27: *āgis-gar-ra dingir-e-ne ku-gar-ne he-a* (шумерский текст); *iš-kar ilāni lu ip-kar-ši-na* (аккадский текст).

² Строки 31: *gišal-gi ila šu-ni* (шум.); *al-la ù tuš-ši-ik-ka* (аккад.). 31: *gi-dè* (шум.); *mi-is-ra a-na ku-un-ni* (аккад.)

вместе с ним создает семья людей¹. Затем уже только после появления людей созданы были скот и растения, созданы реки Тигр и Евфрат и определено их место.

Но не только в шумерских текстах, а и в текстах позднейшего происхождения, известных только в аккадской (семитической) редакции², повторяются и развиваются в основном те же представления о целях создания людей и об их назначении. Так, в одном небольшом фрагменте, посвященном специально мифу о создании людей³, рассказывается, как боги обратились к богине Мами (одно из обозначений матери богов; она же далее именуется более обычным именем Нинхурсаг) с просьбой создать человечество, которое должно принять на себя иго (ар-са-ним) труда на богов. Она в свою очередь обращается за содействием к богу Энки, который советует богам убить одного из них и его тело и кровь смешать с глиной. На этом текст обрывается.

В другом, более содержательном и интересном тексте идет речь о создании специальных богов различных ремесел и земледельческих богов с тем, чтобы они точно так же прежде всего обслуживали богов⁴. «Когда Ану, — читаем мы здесь, — создал небо, а Эа создал место своего обитания — морскую глубину («апсу»), взял Эа глины и сотворил из нее бога изготовления кирпичей для строительства храмов, создал далее тростник и леса как необходимый строительный материал; создал бога плотников, бога кузнецов, Аразу — исполнителя строительных работ; сотворил бога золотых дел мастерства, Нинагиль — бога резчиков камня, Нинкурра для... и для совершения изобильных жертвоприношений; затем Эа создал божества — Ашнап, Лахар, Сирус, Нингиршидда, Нинсар (божества хлеба, скота, виноделия, скотоводства), чтобы получать от их труда в изобилии жертвенные дары. Создал Эа далее божества Умутангу и Умутаннаг, чтобы приносить богам жертвенные дары, создал Кут-хун-га (Азагшуга) — верховного жреца великих богов для выполнения обрядов и предписаний. Создал Эа царя для поддержания храмов богов, людей для выполнения службы и работ на богов».

На этом текст обрывается, но и сохранившаяся его часть содержит достаточно полную картину. Из данных этого текста мы видим, что боги обеспечивают себя не только трудом массы производящего населения, но и трудом квалифицированных ремесленников. Акт творения различных ремесленных профессий завершается созданием жречества, играющего посредствующую роль между богом и людьми в принесении жертвенных даров — продуктов людского труда, и царя — хранителя и обновителя храмов богов.

Таковы были шумерские и близкие к ним и, вероятно, восходящие в своей основе к древнейшей эпохе версии мифов о сотворении людей. Собственно вавилонская версия, посвященная прежде всего прославлению вавилонского бога Мардука и его борьбы с первобытными стихиями и выделяющая его из среды остальных богов в качестве творца, изложена в обильной поэме, обозначаемой обычно по начальным словам ее *Enûma elîš*

¹ Nippur, №№ 10673+10562.

² Возможно, впрочем, что и эти тексты частично восходят также к древним шумерским оригиналам.

³ Текст издан Pinches'om, Cuneiform Texts... in the British museum, VI, табл. 5; Langdon, Sumerian epic of Paradise..., табл. 111 и перевод на стр. 25.

⁴ Этот небольшой текст издан Вейсбахом в «Babylonische Miscellen» (Wissenschaftliche Veröffentlichungen der deutschen Orientgesellschaft, 4), Leipzig, 1903 табл. 12 и стр. 32—34.

(«когда вверху»...)¹. Хотя вавилонская версия сильно расширена и изменена до неузнаваемости благодаря новым дополнениям и наслоениям, посвященным прежде всего, как сказано, описанию подвигов Мардука в борьбе его с Тиамат, однако, поскольку и в этой обширной поэме идет речь собственно о сотворении людей, — как способ сотворения людей, так и цель и назначение людей прежде всего на выполнение различных работ в пользу богов остаются совершенно теми же самыми, как и в древнешумерских версиях мифа. Описанию акта творения людей посвящена табличка шестая (в первоначально изданном основном тексте поэмы эта табличка сильно фрагментирована и почти не читаема; пробел восполняется найденным в Ашшуре фрагментом—Эбелинг, № 162). Испорченный конец предыдущей (пятой) таблички содержал, по видимому, обращение богов к Мардуку с жалобами на то, что нет никого, кто выполнял бы различные службы и культ в отношении к ним. «Когда Мардук услышал слова богов, — так начинается текст шестой таблички, — он задумал мудрое в своем сердце и, обращаясь к Эа, открыл ему то, что замыслил в своем сердце: кровь хочу я собрать и добавить к ней кости; человека хочу я создать: «человек» (a-me-lu. Sic!) пусть называется он. Пусть на них (на людей) возложена будет служба богам², чтобы боги могли пребывать в покое. Я хочу изменить судьбы богов, я хочу разделить их на небесных и земных и чтобы те и другие пользовались одинаковым почитанием. Ему (Мардуку) отвечает Эа и для удовлетворения богов предлагает, что один из них должен погибнуть, чтобы из его крови были созданы люди. Должно собрать богов, и в их присутствии один из них должен быть принесен в жертву. Собрав богов, Мардук обращается к ануннакам (земным богам). Он подтверждает свое намерение и спрашивает, кто поднял восстание и побудил Тиамат к борьбе. Виновный в этом и должен быть принесен в жертву. Мардуку отвечают небесные боги — игиги: это — Кингу, это он поднял восстание и побудил Тиамат к борьбе. Кингу был связан и приведен перед Эа. Кровеносные сосуды его были вскрыты. Из крови Кингу он (Эа) создает людей и возлагает на них обязанность работать для богов. Богов же он сделал свободными³. В знак своей благодарности Мардуку ануннаки выражают желание соорудить святилище в его честь. Он указывает им и место — Вавилон. По окончании сооружения Вавилона и его главного святилища Эсагилы боги собираются на общее пиршество, и поэма заканчивается прославлением Мардука. В заключение еще раз снова подтверждаются обязанности людей в отношении богов: ежедневные жертвоприношения должны они делать богам и богиням; они не должны забывать о службе богам, следуют еще несколько указаний относительно обязанностей людей (Э б е л и н г, № 164, строки 94 сл.).

Подводя итоги нашему обзору древнешумерских и вавилонских мифов о сотворении людей, мы имеем полную возможность констатировать, что

¹ Основной текст поэмы происходит из библиотеки Ашшурбанипала (668—626 гг.); известен также ряд дополняющих его фрагментов, относящихся к спискам последующих эпох — нововавилонской, персидской вплоть до времени Аршакидов. Издавалась как самая поэма, так и ее фрагменты неоднократно. Новые фрагменты (между прочим, фрагмент, дополняющий основной текст в наиболее интересующей нас части, касающийся акта сотворения людей), найденные в Ашшуре, изданы Э б е л и н г о м в издании «Keilschrifttexte aus Assur religiösen Inhalts», I, №№ 5, 117, 118, 162, 163, 164, 174.

² См. по изданию Эбелинга, строка 6: lu-u en-du dul-lu ilāni-ma šunu.

³ Обычно это место понимают в том смысле, что были освобождены при этом боги, участвовавшие в борьбе на стороне Тиамат.

и через те и через другие красной нитью проходит представление о том, что люди с самого своего появления на свет предназначены исключительно для того, чтобы нести различные службы и производить работы (*dullu*) для богов, которые, благодаря этому, могут пребывать в своих жилищах в покое и в радости сердца. Это, таким образом, как видим, не одна какая-нибудь случайная версия, но глубоко укоренившиеся и глубоко распространенные традиционные представления. Можно смело утверждать, что, по крайней мере в официальной религии древнего Шумера и Вавилона, нет ни одного мифа, в котором говорилось бы о сотворении и о появлении людей на земле и в то же время не упоминалось бы при этом об их обязанностях (*dullu*) в отношении богов. Мотив эксплуатации и фактического рабства людей в отношении создавших их богов выступает в изложенных мифах и представлениях вполне определенно и отчетливо. И характерно, что именно в этой мотивировке существования людей и заключается прежде всего специфическая особенность, резко отличающая шумерские и вавилонские мифы о сотворении людей от аналогичных мифов, существовавших у других народов древности: ни в библейских сказаниях, ни тем более в мифологии античных народов мы не встретим и следа подобных представлений.

Любопытной иллюстрацией к этому представлению о назначении людей, показывающей, до какой степени боги действительно нуждались в «работе» людей, может служить эпизод из истории потопа, содержащийся в эпосе о Гильгамеше. Боги, решившие по инициативе Энлиля наслать на людей всемирный потоп¹, сами испугались начавшейся бури и, поднявшись на небо, расселись подобно собакам, прижавшись к небесной стене. Вместе с этим они выражают горькое сожаление и раскаяние в опрометчивом решении об истреблении людей. Особенно горюет богиня Иштар². Когда же спасшийся от потопа Ут-Напштим, корабль которого остановился на горе Нисир, совершает первое после потопа жертвоприношение и возжигает благоухания, изголодавшиеся боги, как мухи, слетелись на приятный запах жертвенной пищи. При этом Иштар, раздраженная гибелью людей, требует отстранить от участия в жертвенной трапезе Энлиля, как главного виновника потопа. С упреками обращается к Энлилю и бог Эа: «О ты, мудрый среди богов, — говорит он, — ты, герой, как не подумал ты раньше, чем произвести потоп». Далее Эа указывает на возможность других наказаний непокорных людей, насылая на них различные бедствия, но не истребляя их всех поголовно (там же, строки 156 сл.).

Какие же конечные выводы можем мы сделать в результате обзора шумерских мифов о творении? Первый вывод — это то, что в представлениях шумеров и вавилонян о роли и назначении людей нашло себе непосредственное отражение зависимое положение массы производящего населения области древнего Двуречья. Так же как боги отдельных городов признавались номинальными владельцами и хозяевами территории этих городов, действительными обладателями которой были патеси и храмы, точно так же и система эксплуатации, установленная богами, являлась непосред-

¹ По другим сказаниям, еще до начала всеобщего потопа люди своим неповиновением и возмущениями не раз навлекали на себя гнев богов, насылавших на них различные наказания — голод, болезни и пр. Бедствия эти обстоятельно описываются в поэме об Атрахасисе, известной в нескольких списках и представляющей вариант истории Ут-Напштима (вероятно, тождественного с Атрахасисом).

² Эпос о Гильгамеше, табличка XI, строки 114 сл.

ственным отражением реальной системы эксплуатации, как она сложилась в области древнего Двуречья. Если номинально люди должны были работать на богов, то в реальной жизни они работали на патеси (царя) и его двор и на храмовое жречество, выступавших согласно религиозной системе. в качестве посредников и предстателей в отношениях между богами и людьми.

С другой стороны, из тех же текстов можно сделать определенное заключение, что объектом эксплуатации являлись прежде всего не военнопленные и не рабы в собственном смысле слова, но исконное население страны, обитавшее в ней со времени сотворения мира (по древнеавилонским представлениям люди появились в мире даже ранее растений и животных). Самые термины, какими обозначались обязанности людей в отношении богов, как мы видели, заимствованы были из реальных общественных отношений. Характерно, что и система мирового хозяйства, в которой в качестве эксплуататоров выступали боги, построена была совершенно аналогично той системе эксплуатации населения, какая существовала в патесиальных и храмовых хозяйствах. Не только, как мы видели в одном из приводившихся выше мифов, города с их территорией распределены были между отдельными богами, как в реальной жизни между особыми патеси¹, но и организация этой мировой системы хозяйства представляется совершенно тождественной с той хозяйственной организацией, какая известна нам из документов патесиальных и храмовых хозяйств. Поскольку небесный мир богов являлся непосредственным отражением устройства человеческого общества, на него переносились и все основные черты общественных порядков, существовавших в области древнего Двуречья. При каждом из высших божеств—Ану, Энлиле, Сине, Шамаше, возглавлявших пантеоны отдельных городов и, как сказано, признававшихся верховными собственниками земельной территории, принадлежавшей этим городам, как при дворах патеси, состоял обширный придворный штат; и чрезвычайно характерно, что в этом придворном штате богов, как и в штате патесиальных хозяйств, хозяйственно-административные должности занимали первенствующее место. Здесь мы прежде всего встречаем визирей и министров, функции которых, повидимому, соответствовали должности нубанд, стоявших во главе отдельных патесиальных хозяйств; затем следовали должности главных булочников, главных садовников и земледельцев, главного пастуха и подчиненных ему пастухов, стража, слуги и служанки различного рода. Между прочим, одной из таких служанок при дворе верховного бога Ану первоначально до своего возвышения была знаменитая Иштар (шумерская богиня Иннина), выдвинувшаяся впоследствии на первое место и занявшая место супруги бога Ану, Анту². Совершенно так же, как члены патесиальных и царских семей, как штат придворных и служащих при дворах патеси, и боги получают каждый свой строго определенный ритуалом ежедневный рацион, состоявший из определенных количеств хлеба, пива, вина, молока, мяса, овощей, фиников. Цари также причисляли себя к штату богов, поскольку они выступали в роли шакканакку, высших чиновников, в данном случае наместников богов на земле³. Они выполняли свою долю обязанностей (*dullu*) перед богами и ставят себе в заслугу

¹ Текст из Ниппура, см. выше стр. 17.

² См. миф о возвышении Иштар.

³ Thureau-Dangin, Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften, VI, 2, стб. 1, строки 21 сл.

строительство храмов и сооружение каналов (как мы видели из мифов, именно строительство жилищ богов—храмов и проведение каналов составляло одну из главных обязанностей, лежавших на людях)¹.

Из всего изложенного можно видеть, что мифы древнего Шумера о творении не являлись случайным плодом фантазии, но равно, как и представления о мире богов, составляли часть последовательной религиозной системы, специально выработанной шумерским жречеством для укрепления общественного строя, основанного на эксплуатации правящим классом широких масс производящего населения, и затем развивавшейся далее в том же направлении жречеством вавилонским. Идеей рабства, рабской зависимости проникнута была сверху донизу вся система общественных отношений области древнего Двуречья. Как чиновники (например, писцы) при дворах патеси, как в эпоху третьей династии Ура сами патеси различных городов в отношении своих суверенов—царей Ура называли себя «рабами», так в то же время сами цари и патеси, сохранившие известную долю независимости, называют себя «рабами» (*uru, arad*) богов². При обращении к богам в молитвах и при жертвоприношениях молящиеся обычно называли себя «рабами» данного божества. В вавилонскую эпоху распространен был обычай носить амулеты и цилиндры, имевшие предохранительное и апотропаическое назначение, на которых выгравировано было имя бога-покровителя и имя его «раба»—владельца данного амулета³. Как в шумерскую, так и в позднейшие, вплоть до нововавилонской, эпохи широко распространены были как мужские, так и женские имена, которые являлись не только теофорными, но, если можно так выразиться, и дулофорными, поскольку они заключают в себе указание на рабскую зависимость носителя данного имени от того или иного божества. Шумерские термины «ур»—человек и «арад»—раб и «гим»—рабыня, служанка и позже соответствующие им семитические термины «арду» и «амат» с указанием имени божества образуют составные части этих имен. Таковы шумерские мужские имена—Арад, Арад Хузи, Арад Лама, Арад-дингир-Наннар и др. или особенно производные от «ур»: «ур дингир» (человек, раб бога), «ур-э» (человек, раб дома-храма), имена, как, например, Ур-э-Уту, Ур-э-Нанше, Ур-э-Бау Энки и др. и женские имена—Гим-э-Бау, Гим-э-Думузи, Гим-э-Лама, Гим-э-Нанше, Гим-э-Энки и многие другие⁴. Не менее часто встречаются семитические имена, в которые входят термины «арду» и «амат»⁵. Подобные дулофорные имена носили и многие патеси шумерской эпохи. Из 22 известных нам имен патеси Лагаша 9 носили дулофорные имена. Таковы же

¹ Любопытную иллюстрацию к представлению о выполнявшейся при этом царями и патеси «дуллу» составляют находимые на местах храмовых строений их изображения в виде рабочих с рабочими инструментами и материалами.

² См., например, надписи патеси Лагаша Урбау и Гудеа—*T h u g e a u - D a n g i n*, там же, стр. 1, 12 (Урбау), 2, стб. 11, строка 21; 1, 16 (Гудеа), е, стб. II, строка 1; ф. стб. I, строка 7. В аналогичные отношения ставит себя Хаммураби к Шамашу, см. введение к изданному им Кодексу законов.

³ Значительное число таких цилиндров имеется и в Государственном Эрмитаже в Ленинграде.

⁴ Многочисленные примеры таких и подобных имен содержат хозяйственные документы шумерской эпохи.

⁵ См. H. R a n k e, *Early babylonian personal names from the published tablets of so called Hammurabi dynasty* (Babylonian Expedition of the university of Pennsylvania. Series D. Researches and treatises. III), Philadelphia, 1905; ср. также, например, указатель имен к изданию S c h o r r. *Urkunden der altbabylonischen Zivil- und Prozessrechts*. Leipzig, 1913; не менее часты дулофорные имена и в документах нововавилонской эпохи.

были имена основателей династий Лагаша—Ур-Нанше и третьей династии Ура—Ур-Намму. Аналогичные имена встречаем среди патеси Исины (Ур-Нинурта) и Ларсы (Варад Син, брат и предшественник последнего царя Ларсы Римсина). Идеей рабской зависимости проникнута была и вся система моральных представлений, которую шумерское и вавилонское жречество стремилось привить массам населения. Идея эта проводится последовательно в культе, в религиозных песнопениях и, наконец, в быту. В основе морали лежало не столько непосредственное разрешение взаимоотношений между людьми, сколько точно так же прежде всего отношение человека к божеству. Рядом с выполнением «работы» (*dullu*) в пользу богов, сводившейся прежде всего, как сказано, к постройке достойных их жилищ—храмов, а также к жертвоприношениям и к выполнению культовых обрядов, другую важнейшую черту, характеризовавшую отношение людей к богам, представлял собою страх перед богами, страх навлечь на себя гнев божества и вызвать кару с его стороны. Черта эта, совершенно чуждая античности и, в частности, прежде всего эллинской религии, чрезвычайно характерна именно для той рабской психологии, которая пронизывала все общественное мировоззрение населения области древнего Двуречья. Страх перед наказанием типичен именно для психологии раба, которого только страх наказания вынуждает к работе и к выполнению обязанностей. В первую голову гнев богов вызывается, естественно, невыполнением «*дуллу*», т. е. прежде всего невыполнением жертвенных обрядностей и других культовых предписаний, и, напротив, как это мы видим из сказаний о всемирном потопе, на примере героев этих сказаний, как бы они ни назывались—Атрахасис, Зиуеудду, Ут Напштим, именно выполнение с их стороны «*дуллу*» прежде всего делало их угодными богам. Но не только невыполнение «*дуллу*», а и всякие нарушения общественной морали, рассматривались не как преступления против общества, но прежде всего так же, как нарушение предписаний богов и их воли, как грех, также караемый богами.

Как все общественные бедствия, так и несчастия, постигавшие отдельных людей, вплоть до болезни и смерти, рассматриваются именно как такие наказания и могут быть предотвращены или устранены только умилостивлением сердца разгневанных богов. Главную цель всех молитвенных обращений к богам являлось именно стремление умилостивить богов, сделать их более благосклонными к людям, испросить прощения грехов и преступлений против богов. Таковы, например, обращения в молитвенных песнопениях к богу Ану¹ и Энлилю, наиболее враждебному людям божеству², равно как и ряд других молитвенных и покаянных обращений к богам—как общественного, так и частного характера.

Трудно себе представить больший контраст, нежели контраст между изложенными религиозными представлениями, господствовавшими в области древнего Двуречья (в Шумере и затем в Вавилонии), и религией древнегреческих полисов. В религиозных представлениях древних греков божество не возносится над обществом, но обитает внутри самой городской общины, непосредственным представителем и защитником которой оно прежде всего и является. Культ божественного покровителя общины почти сливается

¹ A. O. 6461, оборот, строки 1 сл. Текст см. Thureau-Dangin, *Rituel accadiens*, стр. 70—71, транскрипция и перевод там же, стр. 108—111.

² G. Reiser, *Sumerisch-babylonische Hymnen*, № 1, строка 130.

с культом самой общины. Божество служит при этом как бы олицетворением самой общины. Преступление против божества общины представляет собою в то же время и преступление против самой общины, и обратно: преступление против общины или измена ей есть оскорбление божества. Вот почему и в качестве карающей силы здесь выступает не божество, а непосредственно сама община. Община же выступает и против нарушений морали, как против антиобщественных поступков. Так резко отличная специфика двух типов рабовладельческих обществ древнего Востока, основанных на зависимом положении основной массы населения, и античных обществ, в которых целая пропасть отделяет несвободных (рабов) от свободного гражданского населения, находила себе не менее определенное и резко выраженное отражение и в религиозных представлениях, существовавших на Востоке, в частности в области древнего Двуречья, и в эллинических полисах¹.

¹ С другой стороны, именно из сложившихся на Древнем Востоке, и прежде всего именно в области древнего Двуречья, религиозных представлений в основном заимствовало христианство свое учение о людях—рабах божиих, о смирении перед богом, о греховности людей, с божьим гневом и о насылаемых богом карах. Все эти представления пришлось как нельзя более встать в связи с зарождением феодально-крепостнических отношений, основанных так же, как и древневосточное рабство, на закабалении (хотя и в более мягкой форме) основной массы населения.